

Действительный член Национальной Академии наук и искусств Чувашской Республики, доктор филологических наук, профессор Чувашского государственного университета, заслуженный деятель науки Чувашской Республики, лауреат Государственной премии Чувашской Республики в области науки и техники академик М.Р.Федотов в свои 80 лет полон сил и энергии, сохраняет высокую трудоспособность и находится в расцвете творческих сил.

Необычайно целеустремленный и последовательный в своих научных изысканиях, ученый широкого кругозора, исключительного трудолюбия и поистине энциклопедической эрудиции, М.Р.Федотов полон новых творческих замыслов. Внимательный к своим коллегам и неизменно доброжелательный, готовый всегда помочь советом и делом, он относится с большим пониманием не только к близким его творчеству научным направлениям, но и к иным научным устремлениям. Все эти качества крупного ученого, видного педагога, принципиального и строгого в оценках, но доброжелательно относящегося к окружающим,нискали Михаилу Романовичу в кругу тюркологов и в среде широкой научной общественности высокое уважение и непререкаемый интерес.

Н. И. Егоров

БУЛГАРО-ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК В ЕВРАЗИЙСКОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ПОСЛЕДНИЕ ДВА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ СВОЕЙ ИСТОРИИ

Завершается второе тысячелетие новой эры, человечество стоит на подступах к третьему тысячелетию. В такие порубежные переходные моменты своей истории общество обычно подводит итоги пройденного пути и намечает контуры будущего. Отмечаемый в преддверии третьего тысячелетия 80-летний юбилей академика М.Р.Федотова представляется весьма подходящим поводом для глобального хронотопологического обзора многотысячелетней истории булгаро-чувашского языка, так как многогранное творческое наследие корифея чувашской тюркологии в целом подготовило основательную эмпирическую и научно-творческую базу для панорамного освещения исторического места и функциональной роли данного языка в Евразийском геополитическом пространстве за два последние тысячелетия его истории.

Этнолингвистическая история болгаро-чувашей - феномен, изобилующий яркими контрастами: относительно малочисленный народ, населяющий самую маленькую республику в Поволжье, и одновременно - единственный наследник и продолжатель языка многочисленных огуро-булгарских племен, занимавших некогда огромное пространство от глубин Азии до северного Причерноморья, Подунавья и Поволжья, молодая письменность и древнейшая история, праязыковая древность, великолепно уживающаяся с контактными явлениями, усвоенными от родственных и иносистемных языков обширного Евразийского геополитического пространства - все это и многое другое придает чувашскому языку, как объекту научного исследования, уникальную значимость и неповторимое своеобразие. Эта актуальная область сравнительно-исторического языкознания во второй половине XX века нашла своего яркого, преданного и вдохновенного исследователя именно в лице академика М.Р.Федотова.

Собственно чувашский язык впервые попал в поле зрения научной общественности в XVIII веке. Шведский ученый Ф. И. Страленберг, волею судьбы попавший в Россию, в самом начале XVIII века впервые записал 28 чувашских слов, и этот словарик включил в свою книгу "Северная и Восточная части Европы и Азии ...", которую он опубликовал по возвращении в Стокгольм в 1730 году. Ф.И.Страленберг был, пожалуй, первым, кто интуитивно заметил и рассказал читающей публике Европы о генетической близости ряда языков Поволжья, Урала, Сибири и Севера. Это была первая в истории классификация уральских (финно-угорских, самодийских) и алтайских (тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских) языков, на основании которых позднее возникла теория урало-алтайской языковой общности. Если принять во внимание, что книга Ф.И.Страленберга была переведена на английский (1738), французский (1757), испанский (1780) языки, то станет очевидным, что чувашский язык с первой половины XVIII века уже был вовлечен в орбиту европейского языкознания.

С легкой руки Ф.И.Страленберга уже с середины XVIII века чувашский язык становится предметом внимания ученого мира. Весь XVIII век можно ознаменовать как период предварительного сбора и систематизации репрезентативного эмпирического материала по чувашскому языку. В XVIII веке составляются первые словари и грамматики, появляются первые переводы духовной литературы и даже оригинальные произведения на чувашском языке.

Следующий, XIX век можно охарактеризовать, как период подлинно научного изучения чувашского языка. Основателем сравнительно-исторического направления в исследовании чувашского языка следует признать крупного ориенталиста, профессора Берлинского университета В. Шотта, автора труда "De lingua tschuwaschorum" (Берлин, 1842; Париж, 1860).

Самым крупным достижением этой небольшой грамматики являются открытие чувашского ротацизма и ламбдаизма и установление промежуточного положения чувашского языка между тюркскими и монгольскими языками. Уникальное место чувашского языка среди алтайских языков с середины XVIII века приковывает внимание ученых всего мира к изучению истории чувашского языка, выявлению его генетических связей с другими языками, установлению его места в классификационных схемах тюркских и, шире, алтайских, а также уральских языков. В XIX веке открываются чувашские слова в языке волжско-булгарских эпитафических памятников (Х.Фейзханов, Н.И.Ильминский, Н.Ф.Катанов) и в именнике князей дунайских булгар, а также в ряде исторически контактировавших иносистемных языков, появляется первый этимологический словарь (Н.И.Золотницкий), первая научная грамматика (Н.И.Ашмарин), зарождается письменность на основе русского варианта кириллицы (Н.И.Золотницкий, И.Я.Яковлев) и т.д.

В самом начале XX века на основе систематического анализа всего известного в то время фактографического и репрезентативного материала Н.И. Ашмарину удалось сформулировать научную теорию о булгаро-чувашской этноязыковой преемственности.

В конце XIX - начале XX веков одно за другим появляются монографические исследования, посвященные выявлению булгаро-чувашских заимствований в пермских (Ю.Вихман), венгерском (З.Гомбоц, Б.Мункачи), марийском (М.Рясянен), мордовских, обско-угорских (Х.Паасовен) и других исторически контактировавших языках, публикуется множество работ по выявлению и уточнению исторических связей и этимологии чувашской лексики. Все это позволило финскому ученому-ориенталисту Г.Й. Рамстедту сформулировать так называемую алтайскую теорию.

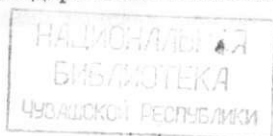
Согласно алтайской теории Г.Й. Рамстедта, тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, а также отчасти корейский и японский языки являются генетически родственными и объединяются в обширную алтайскую общность. Чувашский язык, как сохранивший ряд архаических признаков, занимает как бы проме-

жуточное положение между тюркскими и монгольскими языками. Выдвинутая Г.И. Рамstedтом алтайская теория получила дальнейшее развитие и уточнение в трудах М.Рясянена, Н.Поппе, В.Л.Котвича, Н.А.Баскакова и др., а также М.Р.Федотова.

Алтайская теория имеет не только своих сторонников, но и противников, скептически относящихся к постулируемому родству тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Исключительно важную роль в окончательном однозначном разрешении алтайской проблемы играет чувашский язык, поэтому усилия как алтаистов, так и антиалтаистов в середине XX века направляются на углубленное изучение истории булгаро-чувашского языка. Выявленные Г.И. Рамstedтом и его последователями тюркско-монгольские (вернее чувашско-монгольские) лексические, фонетические и морфологические совпадения при ближайшем знакомстве оказались не праязыковым наследием, а разновременными взаимозаимствованиями между тюркскими и монгольскими языками, причем большая часть чувашско-монгольских языковых совпадений специалистами квалифицируется как древнейшие заимствования, проникшие в прамонгольский из какого-то древнего тюркского языка чувашского типа. Таким образом, на смену теории о древнейшем генетическом родстве алтайских языков приходит теория о приобретенном языковом родстве. Действительно, многочисленные сравнительные исследования тюркских и монгольских материалов, тщательное изучение сходств и расхождений, анализ лексических и морфологических параллелей - все это в конечном итоге привело исследователей к вполне определенному выводу: генетическое родство тюркских и монгольских языков отсутствует. Речь может идти только о языковой общности, образовавшейся в результате длительного взаимодействия первоначально неродственных языков, причем контактная природа этой общности настолько очевидна для специалистов, что не требует специальных доказательств. Точно так же обстоят дела относительно взаимоотношений между монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Высокое материальное сходство между языками этих двух семей объясняется довольно сильным влиянием монгольских языков на тунгусо-маньчжурские. Наиболее ранние исторически обозримые активные контакты между монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, по всей вероятности, относятся к эпохе существования киданьской империи Ляо (X-XII века) и возвышения чжурчженей (XII-XIII века). Именно через посредство монгольс-

ких языков в тунгусо-маньчжурские языки проникали довольно многочисленные тюркизмы болгаро-чувацкого фонетического облика. Таким образом, классическая алтаистика в рамстедтовском понимании сути этого термина во второй половине XX века себя изжила. Тем не менее традиционная алтаистика сыграла огромную роль в деле активизации сравнительно-исторического изучения чувашского языка в глобальном масштабе. Во второй половине XX века на смену теории о гомологическом (=генетическом) родстве алтайских языков приходит более последовательная и свободная от многих противоречий теория об "аналогическом" (=приобретенном, гетерогенном) родстве тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Новая теория фактически не отрицает возможного генетического родства алтайских языков, но отодвигает хронологические рамки этой предполагаемой общности на несколько порядков в глубь истории. Сторонниками приобретенного родства между тремя основными языковыми семьями алтайской общности являются Д.Шинор, И.Бенцинг, Дж.Клоусон, Г.Дёрфер, Л.Лигети, А.М.Щербак и др. Наиболее полное и последовательное освещение эта теория получила в трудах венгерского исследователя А.Рона-Таша, как бы подводящих итоги более чем двухвекового компаративистического исследования чувашского языка. Благодаря активным усилиям многих поколений ученых, в той или иной мере причастных к сравнительно-историческому изучению чувашского языка, к концу XX века сложилась довольно стройная и широкая панорамная картина истории огуро-болгаро-чувацкого языка, охватывающая огромный исторический период, как минимум, с середины I тысячелетия до нашей эры и до конца XX века.

Итак, подводя итоги достижений мировой и отечественной тюркологической и алтаистической науки за последние два века в области компаративистического изучения болгаро-чувацкого языка, можем смело констатировать: тюркский язык болгаро-чувацкого типа сформулировался и активно функционировал в Центральной Азии уже в середине первого тысячелетия до нашей эры. Более того, этот древний язык на протяжении тысячелетий оказывал самое активное воздействие на многие исторически контактировавшие языки Евразии - монгольские, тунгусо-маньчжурские, палеоазиатские, енисейско-кетские, самодийские, иранские, угорские, кавказские, пермские, поволжско-финские, славянские и т.д. Благодаря многочисленным (от нескольких единиц и десятков

17 K-43 163

до нескольких сотен и тысяч) болгаро-чувашиским заимствованиям в исторически контактировавших иносистемных языках и зафиксированным в нарративных источниках глоссам и текстам, современная компаративистическая лингвистика в состоянии проследить исторический путь тюркского языка чувашского типа на протяжении почти 25 веков и выявить воистину огромный вклад, внесенный его носителями и потребителями в развитие материальной и духовной культуры целого ряда древних и современных народов на огромном Евразийском геополитическом пространстве.

Болгаро-чувашиский язык достаточно четко отличается от всех остальных (стандартных) тюркских языков целым рядом специфических особенностей, решающим из которых являются ротацизм и ламбдаизм. Прежде всего, благодаря этим характерным признакам, исследователи безошибочно определяют болгаро-чувашиские глоссы и фрагменты нарративных источников, а также выявляют их среди лексических заимствований в иносистемных языках.

В 1829 году А. Ремюза в китайских текстах, датированных 310 годом до нашей эры, обнаружил сюннуское (хуннуское) четверостишие “Сю-чжи тилей-гянь пугу тогоудань” (по В.П. Васильеву) с явно болгаро-чувашиским ламбдацированным словом *тылык- “выходить” (при стандартном тюрк. *ташык-) (см.: Федотов, 1983, 18-21; Федотов, 1996, 16-19; литературу и варианты прочтения см.: Фасеев, 1978, 134-136; последнее по времени и лучшее по исполнению прочтение см.: Шервашидзе, 1986, 3-10). Этот документ можно смело квалифицировать как самый ранний письменный памятник, зафиксировавший на бумаге тюркский язык болгаро-чувашиского типа. Европейские тюркологи склонны называть древнейший язык болгаро-чувашиского типа огурским. По данным Н.Поппе, этноним *огур* в древних письменных источниках соответствует более позднему стандартному тюркскому племенному названию *огуз*. А это уже показывает, что огуры, как самостоятельный этнос, зародились в чреве огузско-тюркских племен. Сравнительные исследования показывают, что между современным чувашским и огузскими тюркскими языками до сих пор сохраняются многочисленные сепаратные параллели (см.: Федотов, 1977, 25-32), восходящие к праязыковому состоянию. Доступную обзорную с высоты современного состояния тюркской компаративистики наиболее раннюю эпоху в истории болгаро-чувашиского языка в тюркологии принято называть огурской. **Огурская эпоха** (середина первого тысячелетия до нашей эры - начало нашей эры) является временем

формирования основных характерных признаков протобулгарского (огурского) языка. Судя по всему, специфические признаки огурского языка, в первую очередь ротацизм и ламбдаизм, возникли в результате наложения западных диалектов огурско-тюркского (стандартного) языка на восточно-иранский субстрат (возможно, этнически это были динлины, археологически - тагарцы). В начале новой эры огурские племена уходят на запад и появляются в районе Семиречья. Однако значительная часть огуров, по всей вероятности, осталась в Западной Монголии и со временем омонголилась и превратилась в ойратов. Огуры (протобулгары) оставили множество лексических заимствований в прамонгольском. В современных монгольских языках и диалектах сохранилось до 500 огурских лексических заимствований. Единичные огурские заимствования выявляются также в самодийских, енисейских и др. языках Сибири и Центральной Азии. Огурские лексические заимствования в монгольских и др. иносистемных языках охватывают практически все сферы жизнедеятельности человека того времени. Опираясь на них можно с достаточной достоверностью восстановить уровень материальной и духовной культуры протобулгар. На рубеже новой эры, по всей вероятности под натиском сюнну (хуннов), объединенные огурские племена из Западной Монголии через Джунгарские ворота проникают в Семиречье. Здесь они попадают в анналы истории под автозтнонимом *оногуры* и аллозтнонимом *сабиры* (Птолемей). В районе Семиречья, населенном в то время восточноиранскими племенами, находились основные территории оногуров - зимние пастбища, на летовку оногуры уходили по Иртышу в районы Западной Сибири.

В оногурскую эпоху (начало н.э. - III в. н.э.) слова болгарского фонетического облика начинают проникать в самодийские и угорские языки. К настоящему времени выявлены десятки слов болгаро-чувашского фонетического облика в обско-угорских (ханты, манси) и южно-самодийских языках. Часть угров (предков венгров) в это время вошла в состав оногурской конфедерации и освоила скотоводство. Таким образом предки венгров надолго связали свою судьбу с племенами болгарского круга. Наиболее ранние тюркизмы венгерского языка (напр., *nyar* "лето" и др.) датируются именно этим временем.

К началу третьего века оногуро-сабирские племена по Сырдарье перекочевывают дальше на запад в районы Приаральской низменности. Вместе с ними перекочевали на запад и предки венгров. Летние кочевья оногуро-сабирских и угорских (венгерских)

племен в это время располагались на территории Баджирии. Здесь они вступают в тесные контакты с иранскими племенами сарматского круга.

Древнебулгарская эпоха (IV-VII века) истории булгаро-чувашского языка связана со степными районами Северного Кавказа, простирающиеся от Каспийского моря на востоке и до Азовского моря на западе. В конце III - начале IV веков, очевидно, теснимые гунами, оногуро-сабино-булгарские и угорско-оногурско-венгерские племена мигрировали из Приуралья в Восточную Европу. В южнорусских степях они вошли в гуннскую конфедерацию и вторглись в пределы Западной Европы. После падения империи гунов оногуро-булгарские и угорско-венгерские племена возвратились на Северный Кавказ, объединились вокруг возвысившегося племенного объединения булгар и образовали государственное объединение, с легкой руки византийцев вышедшее в историю с громким названием Великая Булгария. В эту эпоху в булгаро-чувашский язык начинает проникать аланские, а позднее - греко-византийские и, очевидно, наиболее ранние славянские заимствования. В свою очередь, древнебулгарский язык оказал значительное влияние на языки окружающих народов, прежде всего - на язык союзных венгров. В современном венгерском языке исследователи насчитывают от двухсот до трехсот древнебулгарских заимствований. К древнебулгарскому периоду относятся наиболее ранние тюркизмы булгаро-чувашского фонетического облика в восточнославянских языках, в первую очередь - в древнерусском, а также в языках ряда народов Северного Кавказа. Имеются убедительные исторические сведения, свидетельствующие о бытовании у древних булгар оригинальной письменности. Несколько десятков древнебулгарских слов сохранилось с тех пор в языке дунайских булгар; древнебулгарская по происхождению лексика распространялась вместе с кириллической письменностью среди ряда контактировавших народов.

В среднебулгарскую эпоху (VIII-XVI вв.) международные связи волжских булгар поднялись на еще более высокий уровень. Древнебулгарские племена, теснимые хазарами, в конце VII - начале VIII вв. из южнорусских степей переселяются в Волго-Камье и в самом начале X в. организуют самостоятельное государство, получившее в исторических трудах название Волжская (или Волго-Камская) Булгария. В составе этого феодального государства завершается консолидация булгарских племенных диалектов, различные булгарские племена - собственно булгары, сувары, бер-

сула, эсегели, темтюзы и др. сливаются в единую народность, отчасти ассимилировав при этом местное буртасское (скорее всего, ираноязычное) и финно-угорское население. Важную роль в объединении разных этнических компонентов сыграло официальное принятие булгарами в 922 г. мусульманской религии. В молодом развивающемся государстве еще в дозолотоордынский период (VIII в. - 1235 г.) окончательно сложились все основные характерные черты болгарского языка, ставшего в последствии основой современного чувашского языка. Показательным в этом отношении является диалектное единство старочувашского языка, прослеживаемое также по многочисленным среднебулгарским заимствованиям в контактировавших финно-угорских языках, выявлению которых много сил приложил М. Р. Федотов (см.: Федотов, 1965; 1968; 1990 и др.). Очевидно, что в дозолотоордынский период установились довольно тесные контакты с южными тюркоязычными соседями - хазарами, печенегам, тюрками, узам, караклобуками, половцами, предками башкир и др., а также продолжались связи с ираноязычными народами (аланами, буртасами и др.).

В дозолотоордынский период волжские булгары, по древней традиции, продолжали пользоваться западным вариантом тюркской рунической письменности, о чем свидетельствуют довольно многочисленные археологические находки с руническими письменами (см.: Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности. Казань, 1990). Однако эти фрагментарные памятники пока однозначно не дешифрованы и мало что дают для изучения среднебулгарского языка. Поэтому важным источником для изучения лексики ранних булгар представляются среднебулгарские лексические, морфологические и иные заимствования в пермских и поволжских финно-угорских языках - удмуртском, коми, марийских и мордовских. Основной, хотя и далеко не полный, перечень болгарских проникновений в финно-угорские языки можно найти в серии работ М.Р. Федотова, посвященных чувашско-марийским (плире, финно-угорским) лингвистическим контактам. Осознавая чрезвычайную важность болгаро-чувашских лексических проникновений в поволжские и пермские языки для доказательства теории болгаро-чувашской этноязыковой преемственности, М.Р.Федотов прибегает к ним практически в каждой своей работе сравнительно-исторического плана.

В лексико-семантическом отношении среднебулгарские заимствования в поволжских и пермских языках относятся практически

ко всем сферам жизнедеятельности людей того исторического периода.

В золотоордынский период (1236 - 1444 г.г.) происходят существенные изменения в этноязыковой ситуации в Среднем Поволжье, связанные с монгольским завоеванием края. В этот период на булгарскую языковую основу наслаивается сравнительно мощный кыпчакский языковой пласт, обогащенный относительно многочисленными монгольскими, арабскими и персидскими лексическими вкраплениями. Однако, судя по данным языка эпитафических памятников XIII-XIV вв., кыпчакский компонент уже во второй половине XIII в. практически полностью растворяется в булгарском, принося в него значительный пласт слов тюрско-кыпчакского происхождения. Проникшая в этот период лексика кыпчакского происхождения развивалась по внутренним законам булгаро-чувацкого языка и претерпевала значительную фонетическую адаптацию. Несмотря на глобальные политические и экономические потрясения, среднебулгарский язык сумел сохранить свою сильную позицию и продолжал оказывать влияние на контактирующие языки.

В постозолотоордынский период (1361-1444 г.г.) происходят вторичные глобальные этноязыковые и территориальные изменения в регионе. После ряда разорительных набегов ордынских князей и эмиров основные булгарские земли полностью опустели и превратились в "дикое поле". Уцелевшее относительно малочисленное булгаро-чувацкое население покинуло насиженные места в закамья и переселилось в Предкамье и Закамье, а правобережные (приволжское) - в северо-восточный угол современной Чувашии, в междуречье Аниша и Кубни. В Закамье усилились взаимные удмуртско-чувацкие, а приволжских районах - чувашско-марийские этнокультурные и языковые контакты, усилился приток булгаро-чувацких слов в удмуртский, марийские и мордовские языки, в свою очередь финно-угорские языки дали несколько десятков слов чувашскому языку.

Завершающий, казанский период (1445-1551 г.г.) среднебулгарской эпохи сыграл важную роль в окончательном формировании ряда специфических особенностей современного чувашского языка. В начале этого периода в Среднем Поволжье на обломках Джучиева улуса Золотой Орды сложилось новое государство - Казанское ханство, и сюда стали стекаться "мнози варвари из различных стран: ото Златяя Орды, и от Асторохани, и от Азуева, и от

Крыма". За счет притока со стороны вокруг Казани все более увеличивалась доля кыпчакоязычного населения, и на этой основе в Заказанье начался процесс формирования казанско-татарской народности. В годы расцвета Казанского ханства ослабли позиции болгарского языка, возросла престижность татарского языка, и началась ассимиляция местного болгаро-чувацкого населения Заказанья и Присвияжья, которое, однако, было окончательно поглощено татарами лишь к концу XVII в. Следы болгаро-чувацкого субстрата сохранились в топонимии Заказанья и субстратной лексике казанско-татарского языка, а также в чувашских заимствованиях удмуртского языка.

На правобережье в этот период активизировались процессы чувашско-марийского языкового взаимодействия. В казанский период началось массовое проникновение татарских слов в чувашский и другие языки региона. Татарские лексические заимствования чувашского языка генетически разнородны, среди них довольно много слов монгольского, персидского, арабского и иного происхождения. Предстоит еще разработать критерии, позволяющие сепарировать татаризмы казанского периода от более поздних заимствований, а также от слов, заимствованных из мишарского диалекта. В казанский период в основном завершилась ассимиляция аборигенного марийского населения междуречья Цивилия и Суры и сформировались говоры верхового диалекта, чувашская лексика продолжала обогащать словарный состав удмуртского, марийских и мордовских языков.

Новобулгарская или чувашская эпоха начинается со времени вхождения Чувашии в состав Русского государства (1551 г.) и продолжается до наших дней. Отличительной особенностью этой эпохи является кардинальная смена направления внешних этнокультурных и языковых взаимосвязей. В течение всех предыдущих веков болгаро-чувашский язык поддерживал тесные связи с Востоком, а в новобулгарскую эпоху волею исторической судьбы векторы внешних контактов резко поворачиваются на Запад. Отличительной особенностью развития чувашского языка в новобулгарскую эпоху является все прогрессирующее развитие русско-чувашских контактов и резкое ослабление влияния чувашского языка на языки окружающих народов. Падение престижности болгаро-чувашского языка в глазах окружающих народов началось уже в Казанский период. Во многих регионах в этот период наблюдается наступление татарского языка на чувашский. Полностью были

ассимилированы чувашаи Заказанья и Присвияжья, усиливалось влияние казанско-татарского языка на ряд языков контактирующих народов. Тем не менее, даже в новобулгарскую эпоху в зонах интенсивных контактов чувашский язык по традиции продолжает оказывать достаточно сильное воздействие на татарский и, в особенности, на марийские (луговой и горный) языки: в зоне низового диалекта наблюдается ассимиляция татар-мишарей в национально смешанных поселениях, а в зоне верхового диалекта продолжается ассимиляция горномарийского языка чувашским. До сих пор в маргинальных зонах сохраняется татарско-чувашское и марийско-чувашское двуязычие, при этом правилом хорошего тона считается владение чувашским языком, а знание чувашами языков своих соседей является как бы необязательным.

Начиная со второй половины XIX в. в связи с развитием капиталистических производственных экономических отношений все более возрастает активность межнациональных и межъязыковых контактов, русский язык в Среднем Поволжье постепенно и неуклонно усиливает свои позиции и становится языком межнационального общения. В результате этого влияние чувашского языка на языки окружающих народов падает и практически сходит к нулю. Лексический фонд чувашского языка в маргинальных говорах пополняется новыми татарскими заимствованиями, а общенациональный разговорный язык буквально наводняется русскими и так называемыми "интернациональными" заимствованиями.

В советский период своей истории чувашский язык практически полностью потерял свои потенциальные возможности оказывать сколько-нибудь заметное влияние на контактирующие языки. Несмотря на объективные трудности и искусственные препятствия, литературный, а вслед за ним, и разговорный национальный язык в этот период развивается главным образом за счет внутренних ресурсов, а также многочисленных русских и интернациональных заимствований.

В постсоветский период наметилось некоторое повышение социального статуса чувашского языка в республике и чувашской диаспоре, наблюдается некоторая активация внутренних ресурсов языка, однако ситуация в целом остается на уровне советского же периода.

Обозревая многовековой исторический путь, пройденный огуро-оногуро-булгаро-чувашским языком, поражаешься его широкими внешними связями. Тюркский язык булгаро-чувашского типа,

зародившись в недрах Центральной Азии где-то в середине I тысячелетия до н.э., уже с первых веков своего существования стал языком сильным и престижным в глазах окружающих народов и начал одаривать своих соседей десятками и сотнями “культурных” слов. Компаративисты знают, что направление процессов заимствования идет от ареала, занимаемого языком с сильной позицией, к ареалам, занимаемым языками со слабой позицией. Заметим, что противопоставление “сильный - слабый” не обязательно всегда соответствует оппозиции “с высокой культурой - с более низкой культурой”. Здесь нередко решающую роль играют различные факторы политического экономического, психологического и т.д. порядка. Тюркский язык булгаро-чувацкого типа, так сказать, с младых ногтей оказался в положении сильной позиции и сохранил ее на протяжении всей доступной обозрению истории. Постоянная поддержка булгарским народом сильной позиции для своего языка спасала его от полного уничтожения даже в самые критические периоды истории (например, даже после невиданного геноцида во времена нашествий Аксак Тимура в 1391-1395 гг.), поддерживала его престижность в глазах окружающих народов, но не сумела предохранить от проникновения массы варваризмов из кыпчакского, татарского, русского и других языков.

В последние два тысячелетия своей истории булгаро-чувацкий язык оказывал мощное воздействие на десятки исторически контактировавших языков обширного Евразийского региона, начиная от берегов Тихого океана и завершая берегами Атлантики. К настоящему времени стараниями нескольких поколений исследователей разновременные лексические заимствования из языка булгаро-чувацкого типа выявлены в нескольких десятках языков: в монгольских - около 500 единиц, в тунгуско-маньчжурских - около 300, в палеоазиатских - несколько десятков, в енисейско-кетских - несколько десятков, в самодийских - несколько десятков, в иранских - более 100 (включая опосредованные монгольскими и стандартными тюркскими - более 200, а в отдельных языках - более 250), в угорских (ханты и манси) - около 100, в венгерском (по разным источникам от 200 до 300), в кавказских языках - несколько десятков, в пермских - от 200 (в коми) до 400 (в удмуртском), в мордовских - от 150 (в эрзянском) до 200 (в мокшанском), в марийских - около 2000, в татарском - около 300, в башкирском - более 250, в восточнославянских (главным образом, в русском) до 500 и т.д. Подчеркиваем, что учитывались только относитель-

но достоверные болгаризмы, лексические параллели иного рода в расчет не принимались. Единичные опосредованные лексические тюркизмы болгаро-чувацкого облика обнаруживаются во многих других языках Евразии, начиная от Чукотки и кончая Пиренеями и даже Северной Африкой и Британскими островами. При этом надо заметить, что более или менее полному изучению в плане выявления лексики болгаро-чувацкого происхождения были подвергнуты лишь словарные запасы венгерского, марийского и удмуртского языков. Появление новых, более полных лексикографических изданий и публикация диалектных материалов постоянно вносит коррективы в приведенные нами приблизительные данные в сторону увеличения. Целенаправленные поиски болгаро-чувацких заимствований в исторически контактировавших иносистемных, а также в родственных тюркских языках могут увеличить наши цифровые данные на несколько порядков. Широкие исследования в этом направлении - дело будущего. На нынешнем этапе развития чувашской и, шире, тюркской компаративистики не всегда удается различить болгарские заимствования от заимствований из стандартных тюркских языков, а также прямые тюркские (например, татарские) заимствования в иносистемных языках от опосредованных чувашским и т.д. Недостаточно глубоко изучена в историко-генетическом и этимологическом аспекте лексика самого чувашского языка, нет свода древне- и среднеболгарских глосс, зафиксированных разного рода письменными памятниками. Крайне слабо изучена в историческом и этимологическом отношении ономастическая лексика болгаро-чувацкого происхождения. В этом отношении самого пристального внимания заслуживают этимологические словари М.Р.Федотова, посвященные апеллятивной и антропонимической лексике чувашского языка. Уже при первом приближении выявляется, например, что многое из традиционно приписываемой марийскому языку лексики чувашского языка на самом деле является болгаро-чувацким вкладом в лексику марийского языка. Историко-генетическое и этимологическое изучение лексики чувашского языка и непосредственно связанные с ним поиски заимствованной лексики болгаро-чувацкого происхождения в иносистемных языках должно стать одним из приоритетных направлений чувашского и тюркского языкознания.

Приведенные выше цифровые данные говорят сами за себя. Вряд ли какой другой язык может гордиться такими широкими, глубокими и плотными внешними проявлениями своей натуры.

Глубоки исторические корни чувашского языка. Они пронизывают 25 веков истории и уходят еще дальше вглубь времен.

Могуч ствол чувашского языка, увенчанный развесистой кроной, которая тысячами своих ветвей выросла в кроны многих десятков близких и дальних, родственных и чуждых, живых и ушедших в небытие языков.

Несмотря на все перипетии истории, живет Древо болгарского языка вот уже третье тысячелетие, из года в год прибавляет ветку к ветке, лист к листку, цвет к цветку и приносит благодатные плоды своему народу.

В.И.Сергеев

ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В “ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА” М.Р.ФЕДОТОВА

М.Р.Федотов, автор многих капитальных исследований чувашского языка и его отношений к тюркским, алтайским и уральским языкам, естественно, не мог не привести сопоставительный материал из тунгусо-маньчжурских языков в своем двухтомном “Этимологическом словаре чувашского языка”.

Широкий охват сравнительного материала, включающего и алтайскую семью языков, служит подтверждением об издревле установившихся контактах между чувашами и их историческими соседями, способствует отражению исторически существовавшей картины отношений чувашского языка не только с другими тюркскими языками, но и со всеми языками, входящими в алтайскую семью.

Сравнительно-сопоставительный материал из тунгусо-маньчжурских языков отсутствует в “Этимологическом словаре чувашского языка” В.Г.Егорова. Это говорит о том, что М.Р.Федотов впервые перешагнул “границу” тюркского ареала и вышел на широкое поле компаративистики алтайских языков.

Лексико-семантические изыскания являются неотъемлемой частью сравнительно-исторического и этимологического изучения алтайских языков. Лексические соответствия - часть историко-сравнительного изучения языков. Поиски генетической общности языков начинаются, как правило, с лексических сопоставлений, при-